

Чжун Гуаньбай снова сказал:

— Нет, не пианист. Я не пианист. Я —

Он замолчал, а затем добавил:

— Великий пианист.

Он глупо улыбнулся мужчине:

— Я великий пианист.

Чжун Гуаньбай опустил голову, притворившись, что только что сыграл свою величайшую пьесу на фортепиано внутри прозрачного куба, а затем сунул куб в руки мужчины.

— Сладкий, спасибо, что позволил мне сыграть на твоём фортепиано.

Мужчина снова протянул куб Чжун Гуаньбаю.

— Подаришь мне? — Чжун Гуаньбай указал на свой нос. — Ты хочешь подарить мне фортепиано?

Мужчина кивнул.

Чжун Гуаньбай долго смотрел на мужчину.

— А что я должен подарить тебе? В холле моего отеля стоит настоящее фортепиано, — он понизил голос, как будто делился секретом. — Сладкий, давай проберёмся туда ночью, когда никого не будет, только мы двое, хорошо? Я сыграю тебе.

Он был настолько пьян, что забыл, что всё это время говорил на китайском.

Мужчина с нежностью смотрел на Чжун Гуаньбая и снова кивнул.

Уже была глубокая ночь, и набережная была особенно тихой.

Река текла медленно, словно стремясь слиться с бескрайней галактикой.

Чжун Гуаньбай долго вёл мужчину за собой, пока не остановился под уличным фонарём, как

капризный ребёнок, присев на корточки.

Мужчина, которого он тянул за собой, наклонился и посмотрел на него.

Чжун Гуаньбай огляделся и с растерянным выражением лица сказал мужчине в серебряной маске:

— Сладкий, в Париже у всех домов сине-серые крыши и жёлтые стены, я не могу найти дорогу обратно.

Мужчина посмотрел на Чжун Гуаньбая некоторое время, затем повернулся и присел.

Чжун Гуаньбай запрыгнул ему на спину, и мужчина встал, неся его вдоль набережной на юго-восток.

Чжун Гуаньбай потрогал лопатки мужчины, и тот на мгновение замер, но так и не заговорил.

Они шли долго, мужчина был худощавым, но шаги его были уверенными. Они прошли большое расстояние, дойдя до входа в отель, и руки мужчины ни разу не ослабли.

На ресепшене отеля дежурили только два служащих.

В другой части холла было темно, на редких диванах никого не было, а в центре стояло чёрное рояльное фортепиано.

Чжун Гуаньбай шёпотом сказал мужчине:

— Давай сначала притворимся, что идём в номер, а потом обойдём с той стороны, я сыграю тебе.

Мужчина посмотрел на него с выражением, полным смеха и смирения.

Но Чжун Гуаньбай, совершенно не осознавая этого, украдкой побежал внутрь.

Мужчина подошёл к стойке ресепшена, взглянул на часы в отеле и тихо сказал на французском служащей:

— Мой... — он на мгновение запнулся, в его голосе была неуверенность и мягкость, не сочетающаяся с холодной серебряной маской, — ...любимый, у него осталось меньше восемнадцати часов до выступления в Парижской опере, он нервничает.

Служащая с любопытством посмотрела в сторону Чжун Гуаньбая, где парень в маске с перьями прятался за фортепиано, показывая только глаза, окружённые чёрными перьями.

Мужчина коснулся своей серебряной маски и тихо сказал:

— Он очень детский пианист.

Чжун Гуаньбай открыл крышку фортепиано, огляделся и наконец сосредоточил взгляд на лице мужчины.

— Эй, сладкий, тебя обнаружил враг? — Чжун Гуаньбай шёпотом крикнул мужчине, как будто играл в шпионскую игру.

Мужчина с улыбкой смирения повернулся к служащей и сказал:

— Я помню, что в этом отеле стены очень хорошо звукоизолированы.

Он достал свою карту.

— Но если мы причиним отелю какие-либо убытки, пожалуйста, спишите их на мой счёт.

Такому мужчине невозможно было отказать.

Служащая посмотрела на него некоторое время, затем, улыбнувшись, записала номер комнаты.

На стойке стояла тарелка с мятными конфетами для гостей, заселяющихся в отель. Мужчина уже собирался уйти, но, увидев конфеты, остановился, взял одну, кивнул служащей и ушёл.

Он подошёл к табурету для фортепиано, и Чжун Гуаньбай спросил:

— Сладкий, куда ты ходил?

Мужчина протянул руку.

На ладони лежала конфета.

Чжун Гуаньбай смотрел на конфету, слегка ошеломлённый.

Он взял конфету, уставился на неё.

— Ты украл конфету? Для меня?

Мужчина с трудом сдерживал смех и серьёзно кивнул.

Чжун Гуаньбай развернул конфету, не найдя, куда выбросить обёртку, незаметно сунул её в карман мужчины. Тот отвернулся, притворившись, что не заметил.

Та мятная конфета состояла из двух круглых частей, соединённых вместе. Чжун Гуаньбай, разделяя конфету на две части, сказал:

— Знаешь, когда я был маленьким и учился играть на фортепиано, мой учитель тоже давал мне конфету. Сливовый леденец. У него дома была только одна конфета — сливовый леденец. Он говорил, что когда он был маленьким и учился играть, ему тоже давали сливовый леденец. Потом, когда он вырос, он перестал давать мне их.

Он сделал паузу.

— Он сказал, что когда вырастешь, перестаёшь есть конфеты.

Конфета была разделена на две части, Чжун Гуаньбай положил одну себе в рот, а другую — в рот мужчины.

Мужчина смотрел на Чжун Гуаньбая с лёгкой сложностью в глазах, и вдруг, неожиданно ощутив сладость во рту, замер.

— Так что, спасибо тебе, — сказал Чжун Гуаньбай.

Он держал конфету во рту, сладость заставляла его улыбаться.

— Сладкий, ты когда-нибудь слышал, как играет великий пианист?

Он закрыл глаза, и, когда открыл их, его пальцы уже лежали на клавишах.

Несколько отдельных нот, как стакан воды и приход мужчины.

Низкие аккорды, как наклон мужчины во время танца.

Плавные арпеджио, как течение Сены, как звёзды над набережной.

И наконец, звук фортепиано постепенно стихал, как шёпот влюблённых, как конфета, медленно тающая от тепла тела.

Когда конфета полностью растаяла, музыка прекратилась.

Ровно за время половины конфеты.

Во рту остался слабый сладкий привкус, в воздухе висел едва уловимый отзвук.

Мужчина смотрел на Чжун Гуаньбая, его взгляд был горячим. Он слегка пошевелил рукой, словно хотел поднять её и обнять Чжун Гуаньбая.

Но, посмотрев на Чжун Гуаньбая, сидящего на табурете, он только достал из кармана ручку. Чжун Гуаньбай, казалось, знал, что мужчина хочет сделать, и тут же достал из своего кармана пачку салфеток.

Пьеса была недолгой, но салфетки были слишком маленькими, и для записи всей пьесы ушла целая пачка.

— Подарю тебе, «Половина конфеты»... или, может, «Половина сладкого»? — Чжун Гуаньбай взял ручку. — Но не могу найти место, чтобы написать название...

Он встал, поцеловал мужчину в губы, взял его руку и написал на ладони «Половина сладкого», а затем поставил подпись «Великий пианист».

Мужчина некоторое время смотрел на написанное, его длинные изящные пальцы медленно сжались, но не в кулак, словно он хотел схватить эти слова, но боялся их испачкать или стереть.

Вся нежность превратилась в предельную осторожность.

Луч света пролился издалека, озарив рояльное фортепиано.

Мужчина стоял в свете, лицом к темноте, Чжун Гуаньбай стоял в темноте, лицом к свету.

Они стояли друг напротив друга. Лёгкий поцелуй превратился в ласкание, а затем в покусывание.

— Ты такой сладкий, — сказал Чжун Гуаньбай, глядя в глаза мужчины, его голос был низким.

Он заметил, что глаза мужчины потемнели.

— Наверх... — Чжун Гуаньбай целовал мужчину, из горла вырвались невнятные слова.

В комнате было темно.

Мужчина не дал Чжун Гуаньбаю возможности включить свет, он поддерживал его голову, положив на кровать, одну за другой расстёгивая пуговицы на его одежде и складывая её на тумбочку.

Движения мужчины были нежными и аккуратными, Чжун Гуаньбай был нетерпелив, он резко снял с мужчины одежду и ремень, одновременно протянув руку к его нижней части тела.

— Ты... — Чжун Гуаньбай провёл рукой по нижнему белью мужчины, но там было мягко, никакой реакции.

Чжун Гуаньбай поднял голову, целуя ухо и шею мужчины, его рука продолжала ласкать его.

Мужчина, казалось, тоже почувствовал что-то неладное, его движения на мгновение замерли, но в следующий момент он словно стал другим человеком, с некоторой грубостью сжав стройные бока и полные ягодички Чжун Гуаньбая.

— Подожди, подожди... — Чжун Гуаньбай целовал губы мужчины. — Сладкий, помягче.

Сила мужчины становилась всё больше, Чжун Гуаньбай чувствовал, что тот вот-вот сломает ему поясницу, но нижняя часть тела мужчины по-прежнему не реагировала, словно перед его телом мужчина не испытывал желаний, а скорее терпел какую-то боль.

Чувство стыда внезапно нахлынуло.

Этому человеку не нравилось его тело.

Возможно, мужчине нравилось, как он играет на фортепиано, но ему не нравилось заниматься с ним любовью.

<http://bllate.org/book/15543/1382853>